

Визул БЕРЦЕ

Внучка дедушки Пальма и другие

С ТАРОЖИЛЫ? Вот, скажем, был здесь такой дедушка Пальма, его все знали. Приехал он еще в 1905 году...

В разговоре о старожилых пришлось от посещения начала сразу переключиться к нескольким людям, появившимся здесь во второй половине тридцатых, а затем и сороковых годов. Но имя дедушки Пальма было первым, которое мы услышали в поселке Зарубино Хасанского района, Приморского края. Старожилыми мы, корреспонденты, интересовались не для исторических изысканий, а для того, что бы, глядя их и поговорив с ними, нагляднее на фоне прошлого увидеть и понять сегодняшний день рыбачьего поселка на берегу залива Петра Великого. Здесь, вероятно, следовало бы попробовать дать картину природы, рассказать о том, как сверху, когда вылезает из-за какой-то очередной бурой сопки, открывается вид на всю бухту, громадной голубой тарелкой лежащую в углублении между рыжеватыми гор; и о том, как с двух сторон медленно подступают к тебе и плещутся, опадают зеленоватые волны, когда идешь от старого поселка по узкому переулку, ведущему к рыбокомбинату; и о том, как режущий, холодный ветер нечаянно треплет ветхие, отслужившие свой срок сети, подвешенные вокруг некоторых старых домов к косякам вместо заборов...

Может, это и стоило бы описать подробнее, тем более, что и пейзаж, и бурные всплески ветра и волн прямо выписываются в судьбы людей. Рыбокомбинат здесь был организован в 1928 году. Раньше на этом берегу, вдали от крупных центров, точнее — в стороне и от других населенных мест, жили, по преданию, большей частью беженцы из Кореи и Маньчжурии, промышленные на свой страх и риск рыбой, а то, подтянувшись, и контрабандой. В истории развития рыбокомбината и поселка есть несколько этапов, но, пожалуй, самый важный; означивший подлинное освоение удобной закрытой бухты, — последний, начавшийся несколько лет назад. Мы идем по территории рыбокомбината, и сами видим: вот, рядом со старым деревенским, холодным и неустроенным консервным заводом, который с наступлением первых морозов закрывается, поднимается большой корпус нового завода. В 1960 году он вступил в строй. Построены же холодильники, витаминный цех, переоборудована электростанция. На высокой сопке, вдали, за старым поселком, виднеется волоноярная баня. Волопродук уже проложен; как только будет получен насос, он вступит в строй. Вице-адмирал С. О. Макаров, некогда обследовавший бухту, отмечал, что на берегах ее — вода гнилая, нехорошая. Воду в поселок пока еще подвозят. Ее не хватает, жители сами делают какие-то водоемы, и днем на улице часто встречается женщина, с перекинутым через плечо коромыслом отправляющаяся в далекое путешествие. Жилые дома тоже строятся. Не так давно заселено общежитие на 140 человек, несколько домов с однокомнатными, двухкомнатными квартирами. Заложена фунда-мент, задано строительство еще трех жилых зданий. Новые каменные постройки виднеются рядом со старыми деревянными и газобетонными домишками и рядом с двумя небольшими зданиями, — домом

политотдела и домом мотористов, — от стила и названий которых вест на нас воспоминаниями прошлых лет. И облик поселка в далекой бухте уже во многом определяется этим строительством на рыбокомбинате и вокруг него. Из груд щебня, в несложном труде, через ошибки, удачу и неудачу встает новое Зарубино.

И некоторые другие отдаленные поселки, в которых удалось побывать, и даже такой город-порт, как Находка, оставляют тоже впечатление нового их становления. Три слова — было, есть, будет (с ударением на последнем) — как бы воплощают здесь стремительное движение вперед. И естественно, из различных встреч, сопоставления фактов возникли размышления о новом этапе в освоении Приморья, о людях, участвующих в этом освоении, и о некоторых других... Хотя бы на материале того же Зарубино.

Вечером в одной из комнат общежития мы разговаривали с группой молодых строителей.

В комнате грязно, на полу валяются окурки, обрывки бумаги. Парни в одежде и сапогах разлеглись на кроватках, кое-кто почил ты в а т е книжки. Один сидит с баяном и лениво выводит непонятный мотив. Мы входим — парни поднимаются с кровати.

— Как живете? Чем занимаетесь? — Вот, даем экзамен на пожарников...

— Что вечерами делаете? — Так и валяемся... — В комнате набирается все больше народа. Все молодежь. Из одиннадцати человек — только один комсомолец, да и тот сидит в сторонке, ни во что не вмешивается. Парни, перебивая друг друга, говорят: оказывается и то, и се не в порядке; окно в их комнате месяц назад выбито, стекло до сих пор не вставлено, и коврик, чтобы на стенки повесить, им не дали, и в умывальке грязно. — Что же вы не возьметесь, не наведете порядок в общежитии? — Мы говорили... — Да нет, а вот чтобы самим взяться... Молчатие. — Учитель? — Нет, куда там... — Как же считать — постоянные вы здесь или нет? — Семь месяцев уже здесь. Выходит, пока постоянные.

Немного позжее, уже в разговоре с глазу на глаз, другой молодой парень, крутолицый и улыбающийся Юра, сказал: — Если бы в Зарубино объявили набор на курсы шоферов, — в общежитии никого из молодежи не осталось бы. Истории ради добавим, что эти молодые парни — те самые, кто участвовали и в строительстве водопровода (в зимнюю стужу били мерзлую землю; узнав, что первые трубы проложены неправильно, ругались, опять влезли за работу), и в строительстве холодильника, жилых домов, таким образом они немало ложили труда в будущее Зарубино. Но вот подвернется кое-что получше...

Другой разговор в комнате у девушек. Девушек две — одна в красном, другая в зеленом платочке. Третья, без платочка, сидит в сторонке — гостья.

Входя, сразу замечаешь две большие, наклеенные на картон, групповые фотографии, поставленные на тумбочке у кровати. Фотографии из тех, что делаются обычно при окончании учебных заведений. — Можно глянуть? — Пожалуйста... Додайка оказалась правильной. На обеих фотографий надпись: Смоленский кооперативный техникум. Работают девушки — в одном из магазинов товароведами. Опять пошли рассказы о том, как нехорошо, трудно, а главное, скучно тут живется. — Нет, что вы, — перебивает все та

(Окончание на 2-й стр.)

Снова Шлам...

Вильям Шлам, чье имя вполне соответствует содержанию, старый знакомый. Он известен советскому читателю, причем известен с самой лучшей стороны, как автор известнейшей, антикварной книги о Советском Союзе, «Произведение» Шлама вызвало возмущение в Шламе — по немецким...

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 4 (4129) Суббота, 9 января 1960 г. ЦЕНА 40 КОП.

Назым ХИКМЕТ

О ТЕХНИКЕ И О ПОЭЗИИ

Турсты в межпланетном корабле, лета на Марс, откроют том стихов, написанных на языке земном, и доберутся до таинственного атома, до сути слова, открывая в нем за звуком звук, за цветом цвет, за словом слои.

И будет так: ядро однажды лопнет, и хлынет свет на атомные парки, и не одни любители — весь мир себя увидит в зеркале поэзии.

Перевела М. ПАВЛОВА

126 отличных скрипок изготовил русский умелец из гор. Уссурийска Федор Андреевич Арефин. Многие из них находятся в руках советских и зарубежных исполнителей, а последнее время все больше и больше скрипок остается в родном Приморье. Растет музыкальная культура края. Фото А. Лидова

Ребенку нужен мир. Арно Мор. (ГДР)

Мир и досток. У Он Плин. (Бирма)

Еврейский ребенок и арабский ребенок. Рут Шлосс. (Израиль)

В каком затрунени оказался бы читатель, если бы в его руки попала книга, написанная двадцатью семью представителями разных стран и каждый из них изложил бы свои мысли и чувства на языке своей родины. Но вот такая книга двадцати семи народов лежит перед нами и мы читаем и перечитываем ее страницы. И все в ней понятно и волнует каждого, потому что эту книгу написали художники, написали карандашом, пером и кистью, каждый на своем национальном и вместе с тем общечеловеческом языке искусства. И особенно глубоко волнует она потому, что вся посвящена одной великой теме — борьбе за мир.

Выходом этой книги, художественного альбома «МИР ВСЕМУ МИРУ», мы обязаны издательскому «Издательству искусств». В прекрасно оформленной папке собраны репродукции рисунков из 27 стран, взятых из большого числа присланных на конкурс, организованный по случаю Международной выставки искусства книги в 1959 году в Лейпциге. «Результаты конкурса», — пишут составители альбома, — превзошли все ожидания. И действительно, перед нами подлинная «Дрезденская галерея мира», и когда смотришь на собранные в ней произведения, то кажется, что видишь огромную демонстрацию, колонны людей, идущих в Берлин, в Москву, в Пекин, Токио, Дели, в столицах двадцати семи государств, с зелеными знамени плакатами, на которых то нежно и ласково, то обличительно и грозно под разными рисунками написаны оды и те же слова: «Мир всему миру!» «Эта папка, — говорится в кратком вступлении к альбому, — является прекрасным средством для действенной пропаганды движения за мир. Небольшие передвижные выставки в общественных организациях, учреждениях, на предприятиях и в школах, посвященные беседам по поводу представленных работ, широкое распространение этой графики должны послужить важным вкладом в дело борьбы за мир во всем мире!»

В сегодняшнем номере «Литературная газета» начинается публикация рисунков из альбома «Мир всему миру».

Кто с вами, мастера культуры?

дене, отмеченное Нобелевской премией, не ближе к марксизму, чем произведения Балзака, но оно реалистично и правдиво. Дю Гар, как и Балзака, — только в другую эпоху, — показывает жизнь Франции при капиталистическом режиме; это — свидетельство французской культуры, один из ее элементов. Французская культура... — эти два слова легко и естественно произносятся советскими критиками. И этого достаточно, чтобы объяснить, почему так велик тираж книг дю Гара в СССР.

Все это означает, что, вопреки представлениям, усвоенным огромным большинством буржуазных читателей, политика, самая грязная из всех политикских политик, доведет над распространением советских книг во Франции, а отнюдь не над изданием французских книг в СССР.

Но это означает и то, что с вами, мастера культуры — от Рабле и Дидро до Балзака и Марлен дю Гара — со всеми вами — социализм, и только он. Было бы легко показать, что отстрашим, которому подвергаются советские книги, не имеющие репутации антисоветских, не являющиеся выражением классовых ненавистей, направленной исключительно на книги советские: стоит только вспомнить о стене молчания, на которую навальтывается любая прогрессивная французская книга; о том, что, когда все прогрессивные силы человечества отмечали столетие со дня рождения Виктора Гюго, некий буржуазный журналист, слиявшийся как-то обосновать индифферентное отношение официальных кругов к этой дате, обмолвился: «Коммунисты тащили его за волосы, а мы не поместили удерживать его за фарды»; о том, что буржуазные исследователи творчества Балзака все более явно стараются обойти молчанием то, что составляет сущность «Человеческой комедии», — власть денег над обществом. Кто с вами, мастера культуры? Ведь не эти же субъекты?

И еще хуже: во Франции католическая школа открыла наступление на светское

обучение; ее поддерживают самые реакционные силы, которые удалось протолкнуть в Национальную Ассамблею в результате грандиозного обмана избирателей на недавних выборах. Католическая школа вот-вот получит субсидии вопреки конституционному принципу разделения церкви и государства. Чему же она учит? Мне недавно довелось перелистывать эти учебники... В них не только можно прочесть, что Французская революция была «самым страшным периодом нашей истории»; в них не только поносят демократию и республику; в них начисто замалчивается имена Рабле, Монтеня, Дидро, Вольтера. Это значит, что обучение в этих школах служит не прогрессу и культуре, а Ватикану, обскурантизму.

Направляется, однако, и иное явление. Если русское издание Роже Марлен дю Гара вышло в свет полумиллионным тиражом, то это значит, что количество советских читателей, людей, которые могут и любят читать, позволяет рассчитывать, что тираж этот будет распродан. Само собой разумеется, до Октября дело обстояло совсем не так. Но, с другой стороны, разве только 5 000 французских способных любить и читать «Тихий Дон»? Конечно, у этой книги будет гораздо больше читателей: роман Шолохова, как и другие книги прогрессивных писателей, будет читать множество людей в рабочих и муниципальных библиотеках, людей, слишком бедных, чтобы покупать много книг. Но в силу ряда условий во Франции возникает множество трудно преодолимых препятствий для чтения советской литературы, так же, впрочем, как и для чтения книг Роже Марлен дю Гара: низкий культурный уровень народных масс, широкое распространение низкопробного читалва — дешевые иллюстрированные журналы; потонная система труда, ограничивающая духовную жизнь; по времени — из-за большой продолжительности рабочего дня и системы сверхурочных работ — по интенсивности — в результате физической усталости; и, наконец, что самое главное, — дороговизна книг. Следует особо подчеркнуть роль одного из этих препятствий: массового распространения низкопробной литературы, той, что печатается в дешевых журналах и огуляет читателя, предавая ему эрзацы духовных ценностей, зовет к бегству от действительности, воспевает похоть, одиночество, вред для здоровья солидарности...

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:

- ★ «Литературная газета» на Дальнем Востоке. Визул Берце рассказывает о жизни труженников Приморья.
- ★ Андре Вюрмер обращается к творческой интеллигенции Запада.
- ★ О старшем поколении советских врачей читайте в очерке Н. Лабковского.
- ★ Отрывок из повести Вадима Кожевникова «Большая магистраль».
- ★ Фотофельетон о мебели для души и мебели для мебели.
- ★ Стихи Н. Хикмета, Н. Асеева, В. Боклова, М. Агашиной, В. Солоухина, М. Лисанского.
- ★ На 3-й странице демонстрируются первые экспонаты нашего «Литературного музея».
- ★ Сегодня в «субботней почте»: выступления крупнейших советских медиков, Французскому другу. О поэзии Е. Евушенко. Письмо Ю. Юзове.

ПРО ТИВ СМЕРТИ

Много писем ежедневно приходит в газету. Читатели спрашивают, что принесет человечеству мир без войны...

В ответ на эти письма мы публикуем сегодня выступления трех выдающихся советских ученых на всех континентах с призывом уничтожить на разоружение...

Профессор П. Г. СЕРГИЕВ, вице-президент Академии медицинских наук, член консультативного комитета Всемирной Организации Здравоохранения

В 1956 году пятнадцать тысяч пациентов погибли от холеры. Двести жителей Бирмы — от чумы. Из 6 миллионов населения Кении тысяча человек — от сибирской язвы...

Человек владеет энергией атомного ядра. Он шагнул в космос. Можно ли мниться с тем, что в некоторых странах нашей родной планеты болезни свирепствуют, как в средневековье?

В медицине 1960 года есть много нерешенных вопросов. Мы не постигли механизма развития раковых опухолей и не имеем надежных средств борьбы с ними...

Мы вооружены вакцинами для предупредительных прививок и лекарствами, обладающими почти стопроцентной эффективностью при лечении.

Вирус оспы, вирус гриппа, вирус малярии, вирус полиомиелита и многие другие вирусы человека могут быть уничтожены полностью на всей планете...

Сегодняшняя наука считает, что многие опаснейшие заразные заболевания можно уничтожить на всей земле.

Обоим опаснейшим инфекциям уже ликвидированы в СССР, в США, в странах Европы и высокообразованных государствах других континентов.

Двадцать пять лет назад в Советском Союзе более 9 миллионов человек болело малярией. В 1958 году у нас было всего 2 504 больных на 208,8 миллиона населения...

То, что уже сделано в нескольких государствах, можно сделать повсюду объединенными силами.

Из года в год советские медики помогают здравоохранению Китая, Монгольской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам, Ирака и многих других стран...

Однако проблема борьбы с малярией в мире оказалась весьма сложной, потому что наиболее тяжелые очаги малярии — в колониях.

В большинстве капиталистических стран инфекции и паразитозы ликвидированы почти полностью.

Ламья Нозль из Дюнкерка Мой далекий и дорогой друг! Прошло шестнадцать с лишним лет с тех пор, как мы расстались, но твой мужественный образ, как живой, стоит перед моими глазами...

Позапрошлым летом я часто бродил со своим другом поистинно по скалистым берегам Черного моря под Одессой...

Читая в «Литературной газете» заметку В. Струкова о том, что автором стихотворения о простокваше является А. Архангельский, я считаю своим долгом заявить, что поэт В. Бершадский никакого отношения к этой истории не имеет.

Работники редакции «Мурзилки» подтерпели, что поэт В. Бершадский «никакого отношения к этой истории не имеет».

Функционеры полагаются лечить по государственному счету. Однако в условиях гонки вооружений расходы на здравоохранение в капиталистических странах ограничены настолько, что средств не хватает для помощи всем инфекционным больным...

Мне, советские медики, считаем план всеобщего и полного разоружения, предложенный от имени нашего правительства Н. С. Хрущевым, единственно путем к оздоровлению человечества.

Словом, для этого нужны материальные средства и объединенный труд медиков всего мира.

можно уберечь и всех детей на всем земном шаре. Нужно только изготовить соответствующее большое количество вакцин и занять прививочной работой большее число людей.

Мы послали вакцину для детей Венгерской Народной Республики и Демократической Республики Вьетнам.

Недавно Нью-Йоркская академия наук избрала профессора А. А. Смородинцева почетным членом академии.

История живой вакцины против полиомиелита — хорошее доказательство того, что приносит сотрудничество в науке людям.

Проф. З. В. ЕРМОЛЬЕВА, член-корреспондент Академии медицинских наук, председатель комитета АМН по антибиотикам, член консультативного комитета Всемирной Организации Здравоохранения

ДВАДЦАТЬ процентов больных пневмонией умирают. Когда мы начали применять пенициллин, люди перестали погибать и от воспаления легких, и от заражения крови, и от тяжелых гнойных перитонитов.

«В последнее время много говорят о стихах Е. Евтушенко, но делают это мимодоюще, вскользь. Хотелось бы прочесть в «Литературной газете» обстоятельный разбор творчества этого поэта».

КАК он торопится! Как будто только что первый он опутит... ну, хотя ясную тишину летнего воскресенья в Подмошье.

«Я небрежно саюсь — вы послали такой не выдал! Из ворот выезжаю навстречу воскресному дню».

И вот перечитывая последнюю книгу Евтушенко, возвращуюсь к «Стихам разных лет», «Молодая гвардия», 1959).

И ничего не скажешь — это рапсод. Мокрая мелочь на ладони, пропылившийся ездок, привалившийся к теплому цистерне...

«И если вы любите нас, потому что мы вместе не видели врага. И пусть меня, тридцатилетнего, назовут романтиком мальчишкой».

«Я искал тебя. Писал в Готтберге. Искал в Берлине, куда позже входил как победитель».

«Я хочу не только вспоминать. Я хотел бы поговорить с вами и о будущем, о ваших надеждах и стремлениях».

«Я не желаю, чтобы мое письмо кто-нибудь воспринял как агитацию».

«Я так ненавижу прошлую войну и так не хочу возникновения новой, что мне хотелось бы вновь поговорить с вами».

«СТОИТ ли останавливаться на неудачах? Ведь в каждой работе что-то может и не получиться».

«привыкли» к ним, приспособились, сделали устойчивыми. Устойчивым стал стафилококк.

Первый — получение новых препаратов. Микробиологи всего мира ликовали, изыскивая новые вещества, которыми плесневые и лучистые грибки...

«Другие пути — создание синтетических антибиотиков и получение новых антибиотических веществ из обычных антибиотиков и продуктов их биосинтеза».

Люди болеют на всей земле. Врачи всех стран применяют антибиотики. Их изготавливают в сотнях лабораторий по разным методам...

«И так далее — всего 14 приветствий. Потом он чувствует себя «объемной музыкой»...

«Итак, ясность видения; жадность, торжествующая жадность к жизни».

«И все-таки ни в каком другом направлении идти ему не хотелось».

«И в самом деле, о каждом ли чувстве стоит писать? И как тогда распознать гниущую, где правда перекладывается в пустоту».

«Вот и все, что дождя достаточно тревожит. Появляются стихи, достойные разве Северянина и вполне чуждые духу русской поэзии».

«Последствия такого подхода достаточно тревожны».

«И вот все это вошло в жизнь, и мир стал другим — таким другим, что не успевая этого как следует осознать».

«Но мною волнует так сильно, как мысль о том, чем живут все эти только приступающие к делу или еще учащиеся молодые люди».

«Только ждут от вас (не именно от вас, Евгения Евтушенко) но Россия не «дел больших и славных»».

«И если, отказавшись от побрыкочен «самолетов», вы сумеете выразить правду времени и поколения».

«Я на кровати узкой засыпаюсь, и, потугольный, снетом обсылаюсь, и хохочу, и жарко мне в снегу».

«Приветствую тебя, начало дня! Приветствую вас, улицы Москвы».

Всегда ли верить вдохновенью?

«В последнее время много говорят о стихах Е. Евтушенко, но делают это мимодоюще, вскользь».

«Итак, ясность видения; жадность, торжествующая жадность к жизни».

«И все-таки ни в каком другом направлении идти ему не хотелось».

«Но мною волнует так сильно, как мысль о том, чем живут все эти только приступающие к делу».

«Только ждут от вас (не именно от вас, Евгения Евтушенко) но Россия не «дел больших и славных»».

«И если, отказавшись от побрыкочен «самолетов», вы сумеете выразить правду времени и поколения».

«Я на кровати узкой засыпаюсь, и, потугольный, снетом обсылаюсь, и хохочу, и жарко мне в снегу».

«Приветствую тебя, начало дня! Приветствую вас, улицы Москвы».

«Итак, ясность видения; жадность, торжествующая жадность к жизни».

«И все-таки ни в каком другом направлении идти ему не хотелось».

ДАЛЕКОМУ ДРУГУ, ДРУЗЬЯМ

Ламья Нозль из Дюнкерка Мой далекий и дорогой друг! Прошло шестнадцать с лишним лет с тех пор, как мы расстались, но твой мужественный образ, как живой, стоит перед моими глазами...

Позапрошлым летом я часто бродил со своим другом поистинно по скалистым берегам Черного моря под Одессой...

Читая в «Литературной газете» заметку В. Струкова о том, что автором стихотворения о простокваше является А. Архангельский, я считаю своим долгом заявить, что поэт В. Бершадский никакого отношения к этой истории не имеет.

Работники редакции «Мурзилки» подтерпели, что поэт В. Бершадский «никакого отношения к этой истории не имеет».

«Я не желаю, чтобы мое письмо кто-нибудь воспринял как агитацию».

«Я так ненавижу прошлую войну и так не хочу возникновения новой, что мне хотелось бы вновь поговорить с вами».

«СТОИТ ли останавливаться на неудачах? Ведь в каждой работе что-то может и не получиться».

«Итак, ясность видения; жадность, торжествующая жадность к жизни».

«И все-таки ни в каком другом направлении идти ему не хотелось».

«Я на кровати узкой засыпаюсь, и, потугольный, снетом обсылаюсь, и хохочу, и жарко мне в снегу».

«Приветствую тебя, начало дня! Приветствую вас, улицы Москвы».